

ской формой, засвидетельствованной как новозаветными текстами, так и греческим текстом «Истории» Иосифа Флавия. Если в апокрифе «Откровение Авраама» имя отца героя дано в виде Тера, как оно читается в списках XIV в., а не Фара, как в традиции греческого перевода книги Бытия, в евангелиях и во всей византийско-славянской письменности, то и в этом находим полное совпадение с еврейским масоретским оригиналом, где это имя имеет вид: **תֵּרָא** (Тера). Привычное греческо-славянское имя Филипп в одном из кусков текста «Иосиппона» выступает в совершенно необычном облике — Полифос. Это может быть объяснено только буквальной транслитерацией имени в еврейском оригинале назван-

ной книги **פְּלִיפּוֹס**. Там же вместо традиционного названия Македония находим вызывающее с первого взгляда недоумение Мокдонъ, что опять-таки соответствует еврейскому написанию и произношению названия данной страны: **מִקְדוֹן**. Все это получает свое удовлетворительное объяснение лишь при условии, что мы признаем тексты, в которых обнаруживаем подобные написания собственных имен, переведенными с еврейских оригиналов.

Во-вторых, это наличие в текстах отдельных еврейских слов, оставленных без перевода. Так, в той части книги «Иосиппон», которая вошла в Еллинский и Римский летописец 2-й редакции под заглавием «О взятии Иерусалима, третье Титово», вместо хорошо известной греческо-славянской традиции по евангельским текстам горы Елеонской (Масличной) мы обнаруживаем название «гора Зефиимъ» (Зефим). Такая форма полностью отвечает древнееврейскому названию этой местности от существительного **זֵית** (зет), что означает «маслина». В тексте апокрифического «Сказания о Соломоне и царице Савской» имя этой героини читается в форме «Малкатышва». Это абсолютно точная передача еврейского сочтения **מַלְכַּת-שָׁבָא**. Выше было сказано о еврейских словах «шамир» (алмаз) и «ног» (название гигантской сказочной птицы), на которые обращали внимание многие исследователи ветхозаветных апокрифов. Естественно видеть во всех подобных примерах также непосредственное отражение еврейских оригиналов, с которых делался перевод.

В-третьих, это своеобразные семитизмы в синтаксическом строе переводов. С синтаксическими семитизмами дело обстоит весьма сложно. Многие своеобразные синтаксические модели, свойственные семитским языкам, проникли уже в греческий язык эллинистической, римской и особенно византийской эпохи. Источником этого была разговорная речь многочисленного семитоязычного населения восточных эллинистических государств и Римской империи еще в период около начала нашей эры. Четче и ярче всего подобные фразеологические и синтаксические семитизмы проявились в греческом переводе ветхозаветных еврейских книг, который был выполнен, по всей видимости, в Египте на рубеже III и II столетий до н. э. Отсюда данные языковые явления получили широкую известность под названием «библейзмы». Столь же обильно эти языковые конструкции представлены и в тексте новозаветных книг и других раннехристианских произведений. Впоследствии они прочно вошли и в письменный, и в разговорный греческий язык византийской эпохи.

Еще в первые десятилетия нашего века зарубежными учеными, библеистами и папирологами, было неопровержимо доказано, что семитизмы-библейзмы подобного рода проникли в разговорную речь Римского Востока значительно раньше византийского периода и прослеживаются в языке папирусов II—I вв. до н. э.